

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010

Pars II

Summaria acroasium in sectionibus

Piliscsaba, 2010

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Püspök
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-2-4 (Pars II.)

© Reguly Társaság, 2010

от Урала, но сибирские находки преобладают над приуральскими как количественно, так и по числу категорий и типов вещей. С территории Западной Сибири происходят и наиболее поздние изделия с изображениями медведя в «ритуальной позе» (плоско-конические бляшки-пуговицы юдинской и усть-ишимской культур, памятников сайгатинского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности). Основной ареал находок совпадает с границей расселения угров. В угорской среде до сих пор сохранились обряды, в ходе которых шкура медведя укладывается таким образом, что голова зверя лежит между лапами. Известны здесь и зарубки на деревьях с таким сюжетом. В Нарымском Приобье, с которым связывают формирование селькупов, такие находки единичны (не исключено, что они попали туда в результате торговых или иных контактов). Не абсолютизируя выводы, думаю, что следует признать тесную связь данного иконографического типа изображения медведя с угорским миром.

Черных, Елизавета

Ижевск

ДРЕВНЕЕ ЖИЛИЩЕ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Происхождение основных типов жилища пермских народов Приуралья долгое время рассматривалось в рамках этнографической науки. В конце XIX в. сложились два основных взгляда на возможный прототип древнего жилища удмуртов и коми: исходную форму финно-угорского жилища ученые видели в землянке (А.О.Хейкель), или шалаше (И.Н.Смирнов). А.И.Пинт рассматривала в этом качестве кенос – амбар, служивший на традиционной усадьбе удмуртов хранилищем хозяйственной утвари и продуктов и, одновременно, летним жильем. Очевидно, прототипы общего для финно-пермян традиционного жилища следует искать в древностях начальной поры железного века, но не позднее конца I тыс. н.э. Отсюда - актуальность привлечения для решения проблемы материалов археологических памятников раннесредневековых и более древних культур, генетическая преемственность между которыми, равно как и связь с этнической культурой удмуртов и коми представляется убедительной. Первые артефакты подлинных жилищ на поселениях Западного Предуралья (Дондыкар, Иднакар и др.) были получены в 20-е годы XX в. Они дали исследователям отдельные звенья той гипотетической цепочки, венцом которой была наземная срубная постройка - традиционная форма пермского дома. На 50-80-е годы приходится период массового накопления материалов по древним и средневековым жилищам во всем ареале исторической родины удмуртского и коми народов. В докладе предложена пространственно-временная модель древнепермского жилища, в основу которой положены специфические особенности реальных жилых объектов, исследованных в Прикамье за последние 80 лет. Основание предложенной схемы занимают жилища ананьинской культуры I тыс. до н.э., в конструкции и планировке которых уже различимы черты тех самых «куа» и «кола», что бытовали в архитектурном ансамбле коми и удмуртов в недавнем прошлом. На I тыс. н.э. приходится процесс дальнейшей модификации первоначального объема (совершенствование срубной техники и горизонтального плана

долговременных жилищ). Но принципиальная трансформация куа в жилище типа корка была обусловлена теми инновационными механизмами, что касались модернизации отопительного устройства. В конце I тыс. н.э. на смену открытым кострищам в жилище приходят очаги-каменки и полузакрытые очаги с топкой в боковых стенках и отверстием-конфоркой в своде. Утяжеление конструкции неминуемо должно было повлечь за собой смещение всего отопительного устройства к одному из углов. Такая постройка уже близка курной избе удмуртов и коми.

Чубурова, Алина

Санкт-Петербург

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ 1920–30 ГОДОВ. НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Республика Карелия и Ленинградская область являются соседними регионами, и на обеих территориях проживают представители финно-угорских народов: в Карелии – карелы, вепсы, финны, в Ленобласти – карелы, вепсы, ингерманландские финны, воль, ижора, сету.

Культура и языки всех финно-угорских народов Российской Федерации существуют в разной степени активности: одни – успешно сохраняются и развиваются, другие, к сожалению, не менее успешно исчезают под влиянием тех или иных факторов. Одним из результативных путей сохранения языка и культуры является, конечно, их передача молодому поколению. К сожалению, в республике Карелия в семьях язык бытует лишь среди старшего поколения. Совсем недавно получил развитие проект «Языковое гнездо» (погружение в языковую среду в детских садах).

Согласно Конституции РФ представители коренных народов, проживающих на территории РФ, имеют право на образование на родном языке. Тем не менее, среди российских финно-угорских регионов вряд ли найдётся десяток национальных школ, где общее образование дети получают на родном (финно-угорском) языке. Более того, в большинстве общеобразовательных школ, даже в национальных районах РК, карельский язык не преподаётся как предмет.

История национальной политики скрывает возможные пути решения. Одним из положительных примеров является национальная политика СССР 1920-30-х годов. Тогда на территории Ленинградской области существовали национальные районы и даже национальные сельские советы, а при них национальные школы. Это давало значительные возможности для развития языков и культуры коренных народов.

Данный опыт необходимо проанализировать. Нужно понять, почему политика того периода не получила продолжения. Почему уже в послевоенное время, в 1940-е годы, были закрыты все национальные школы, прекратился выпуск литературы на национальных языках. Изучив плюсы и минусы национальной политики того времени, мы, возможно, сможем найти правильный путь в строительстве современной национальной образовательной политики в Республике Карелия, а также в других финно-угорских регионах РФ.